

СЧАСТЬЕ — субъективно переживаемое состояние единства сущности и существования личности, воспринимаемое в индивидуальной системе отсчета как аксиологически-эмоциональный позитивный максимум. В классической философии С. трактовалось, как правило, в этическом своем аспекте (потенциальное С. как результат достойной жизни и исполнения нравственного долга), задавая традицию эвдемонизма, и в аспекте психологическом (актуальное С. как состояние). В неклассической философии 20 в. феномен С. артикулируется, прежде всего, в экзистенциальном своем аспекте (см. Экзистенциализм). Даже далекие от непосредственно экзистенциалистской традиции авторы 20 в. интерпретируют С. в свете достижения человеком единства сущности и существования, — так, например, Парсонс, анализируя «типические переменные деятельности», фиксирует в качестве дихотомии соотношение «достижимого» (т.е. конституируемого в результате ориентации на общезначимые социальные характеристики, обеспечивающие идентификацию субъекта с определенным социальным статусом) и «предопределенного» (т.е. создаваемого в результате ориентации на имманентно личностные характеристики).

Второй важнейшей особенностью философской трактовки С. в культуре 20 в. является ослабление (если не отказ от) классической презумпции, согласно которой С. является в принципе неререфлексируемым феноменом (ср. известная ситуация Мефистофеля у Р.Бернса: «И невдомек ему, что счастье — тут! // Предчувствия счастливых не терзают. // Они конца мучительно не ждут, // Безоблачно не зная о начале... // ... Но сколько бы сдалось, синьор, // Когда б взамен «Остановись, // Мгновение!»; Вы бы в договор // Внесли «Мгновение, вернись!»;...»). Согласно классическому пониманию С., любая попытка рефлексии над собственным С. как состоянием переводит субъекта в состояние аналитики или сознательно рассудочной социальной адаптации (по оценке М

.Ларошфуко, в этой ситуации «нас мучает не столько жажда счастья, сколько желание прослыть счастливыми»). Такая установка классики была связана с тем, что в контексте социального времени (см. Социальное время) феномен С. трактовался как локализуемый лишь непосредственно в настоящем, но не в будущем (см. Надежда) или прошлом. В отличие от этого, парадигма трактовки С. как экзистенциального феномена органично включает в себя такой его аспект, как С. осознанного (и в силу этого максимально глубокого) переживания единства собственных сущности и существования, что предполагает рафинированный рефлексивно-интроспективный самоанализ. В этом контексте С. трактуется как феномен состоявшейся самореализации личности, что предполагает, с одной стороны, объективацию внутреннего потенциала субъекта (коммуникативного, когнитивного, творческого и т.д., а в идеале — всего спектра возможностей личности), с другой — принятие (признание) этой объективации другими субъектами, которые могут быть представлены как персонально индивидуализированными субъектами, так и абстрактными социальными группами. Феномен Другого оказывается, таким образом, принципиально важным для

интерпретации С. в философии 20 в.: именно Другой выступает тем «зеркалом», в амальгаме которого субъект может увидеть себя счастливым, т.е. тем социокультурным механизмом, посредством которого оказывается возможным не только С. как таковое, но и личность вообще (см. Другой, "Воскрешение субъекта").

В контексте ориентации современной философии на лингвистический анализ языковой среды обитания человека (см. Анти-психологизм, Постмодернистская чувствительность) актуальным становится этимологический анализ соответствующих понятию «С.» слов в различных языковых традициях. Осмысление феномена С. в опыте носителя той или иной культурной традиции конституирует универсалию культуры «С.», центрирующую собой все семантико-аксиологические аспекты характерных для данной культуры универсалий субъектного ряда (см. Универсалии, Категории культуры), причем этимология соответствующего слова в различных языках фиксирует социокультурные особенности осмысления данного понятия в различных традициях: ср. англ. happiness (от hap — случай, happen — случаться, происходить, hapless — несчастный, злополучный, happening — событие как однокоренное со словом «С.», т.е. в осмыслении феномена С. фиксируется аспект события, случайно выпавшего шанс: С. как то, что случается, исполняется, имеет состояться; русск. «счастье» (от «часть», «участь», т.е. в осмыслении С. фиксируется аспект исполненности судьбы, С. как единство со своей участью (с-часть-е): не пройти мимо нее, своей участи, исполнить, свершить — см. Судьба) ит.п. В современной философии постмодернизма трактовка феномена С. осуществляется в контексте нарратологии, что ведет к его переосмыслению в качестве феномена, имеющего нарративный характер (см. Нарратив).

М.А. Можейко